

данные произведения должны были вскоре уже утратить интерес для последующих поколений; лишённые подлинной отделки, эти стихи безыменных авторов не могли тепеь уже рассчитывать и на более прочную устную традицию, в которой они до тех пор в значительной мере держались. Вот почему можно утверждать, что, несмотря на обилие данного типа произведений в итальянской литературе XVII в. (как и во французской, о чем была речь выше), несомненно, в это время мы тут имели дело уже с явно обозначившимся разложением данного литературного рода. Однако, он держался здесь и в течение всего XVIII в. и был использован наиболее радикально настроенными писателями в целях уже сознательной борьбы с религиозными представлениями. О живучести этого жанра на итальянской почве достаточно красноречиво свидетельствует тот факт, что еще в начале XIX в. там появилась сатира на Наполеона и французов, облеченная все в ту же традиционную форму «Огче наш», только писанная на этот раз не стихами, а прозой. Полезно вспомнить здесь об этой сатире, в виду того, что и среди русских текстов, привлекаемых В. П. Адриановой-Перетц, имеются отклики на события того же времени.¹

И в соседней с Польшей Чехии, благодаря своеобразно сложившимся условиям политической жизни, издавна не было недостатка в сатирических выступлениях против представителей официальной церкви. Одновременно форма молитв используется для чисто светского содержания — осмеиваются недостатки как более широкого значения, так и частных лиц. Возникновение этих сатир относится почти к тому же времени, от которого до нас дошла письменность на национальном языке. Так уже в первой половине XIV в. неизвестный автор сделал попытку воспользо́ваться формой десяти заповедей для сатирических выступлений против представителей различных сословий — *Desatero kázanie božie*. (Оно помещено, на ряду с другими текстами, в так наз. Градецкой рукописи; см. общее издание этой рукописи, сделанное Патерой.)

Автор, сам, повидимому, вышедший из рядов низшего духовенства, выступает против общей испорченности нравов и легкомысленной жизни своего времени, но главное острие своей сатиры направляет против монахов, которые, по его словам, готовы за деньги отпустить грехи самым отъявленным злодеям. Приведу начальные стихи девятой заповеди, чтобы можно было лучше судить о характере данного произведения:

*Toto kázanie deváté
cizie věce nežádajte*

¹ См. текст сатиры в цитированной уже книге Novati, стр. 258—259.